

Восторг только что подстрекавших Тан Линжи и Тан Линфан мгновенно угас, как будто их окатили холодной водой: они съежились и затихли, не решаясь вымолвить и слова.

В разгар хаоса у двери комнаты, откуда вышли Тан Линдэ и остальные, показались грязные маленькие ручки, изрезанные множеством ран. Они вцепились в косяк, и оттуда выглядели два больших глаза.

Волосы спутались в колтун, словно их разодрала кошка, а большие глаза напоминали испуганного котенка с красными от слез веками, крадущегося взглядом в эту сторону.

Хотя видна была лишь половина лица, уже можно было разглядеть будущую красавицу.

Вероятно, это ту самую только что и обижали.

Тан Линъи указала на неё пальцем:

— Почему вы только что обижали её?

— Я велел ей подать чай, а она пролила его и намочил мою книгу. Если отец увидит, он меня убьёт! Конечно же, я должен отомстить! — Он дернулся, пытаюсь вырваться, но не смог. — Ты можешь сначала меня отпустить?

— Судя по возрасту, она наша ровесница. Возможно, ребёнок слуги, и, конечно, не может всё делать идеально. Зачем так с ней поступать, да ещё и избить до такого состояния?

Тан Линъи невольно потянула захваченную руку повыше, и человек под ней издал нечленораздельный стон. Лишь тогда она успокоилась и отпустила его.

Тан Линдэ на этот раз не сопротивлялся. Когда она его отпустила, он отступил на несколько метров и прямо посмотрел на неё с недоумением:

— Ребенок слуги? Тан... сестра, ты правда не знаешь или прикидываешься? Она вовсе не ребёнок слуги, она — незаконнорождённая дочь отца и какой-то уличной женщины!

— Да, — поддержала Тан Линфан. — Если бы та женщина не была такого низкого происхождения, отец бы забрал их обеих, чтобы они жили с нами наравне.

— Да, да, мама нам так говорила, и это точно правда.

— Она просто незаконнорождённая, даже хуже, чем ребёнок слуги. Мы только немного её подразнили, ничего серьёзного, она не умерла же.

— Да, она...

— Хватит! — Все они загалдели, стараясь втянуть её в свой лагерь. Ей ничего не оставалось, как громко и досадно прервать их. Она подошла к девочке, отвела её за спину и с достоинством произнесла:

— Что учитель обычно говорит на уроках? Вы всё забыли? Издревле героев не спрашивали о происхождении. Тем более она — наша родственница. Если когда-нибудь это дело дойдёт до отца, вам несдобровать!

— Какая из неё героиня? — пробормотал Тан Линдэ.

Тан Линъи парировала:

— А почему нет? В истории была принцесса Юйя, сражавшаяся за страну; Чэнь Юэ, переодевшаяся мужчиной и ставшая канцлером, служба народу; принцесса Люмин из прошлой династии, которая под видом династического брака передавала сведения и пожертвовала собой, дав нашей стране повод к нападению и объединив два государства... И ещё многие другие. Я думаю, ты просто плохо учишься, потому ничего и не знаешь.

— Ну и что, я тоже так могу...

Девочка потянула её за полу, и лицо Тан Линъи полностью остыло. Она не хотела тратить на них слова:

— Сможешь? За счёт чего? За счёт того, что твой отец — канцлер? Ваше происхождение тоже не принадлежит к высшей знати, вы учитесь кое-как, но только и думаете, как кого-то обидеть. Ты хочешь совершить то, что совершали исторические личности, но боюсь, что даже если захочешь, тебе не позволят. На каком основании, с какой уверенностью ты считаешь, что другие согласятся позволить тебе это? Ум, сила — что из этого у тебя есть?

Рты у всех внезапно закрылись, глаза забегали, ответа не последовало.

Она покачала головой:

— Давайте начнём с ближайшего: домашнее задание, которое дал учитель, вы все сделали? Завтра последний день сдачи.

Тан Линдэ был совершенно шокирован. Он знал лишь, что Тан Линъи в последнее время удостоилась благосклонности отца-канцлера своим живописным мастерством и часто приглашалась на пиры. Мать говорила, что отец намеревается её воспитать. Он думал, что это просто удача, что она хорошо рисует. Но не ожидал, что она так же усердно учится, и даже физически гораздо сильнее его. Вот это да!

Остальные тоже слушали, находясь в замешательстве, но это не мешало их потрясению.

— У меня... у меня дело, я пошёл! — Услышав про домашнее задание, Тан Линдэ тут же сбежал.

Остальные тоже отбыли с формальным поклоном.

— Они... не пойдут ли пожаловаться господину Тану... — слабым голосом произнесла девочка, когда все ушли. В её глазах читались восхищение и зависть.

— Нет, они сами виноваты, они трусят и не скажут. А если скажут — сами напрашиваются на наказание.

Тан Линъи, хоть и была молода, отлично знала характер отца-канцлера. Он был очень строг с ними. Если он не узнает — хорошо, а если узнает об их раздорах — их накажут.

Она посмотрела на девочку, которая была ниже неё на полголовы, и не ожидала, что это её девятая сестра.

Девочка была одета в поношенную одежду. После того как её обижали, её и без того тонкая одежда порвалась во многих местах, обнажив множество мелких ран. Холодный ветер

проникал сквозь дыры, заставляя её невольно съёжиться.

Привели человека и бросили без присмотра. Зачем тогда было вообще не удерживаться и связываться с этой женщиной?

Вспомнив мать, которая сейчас лежала в постели и бредила, Тан Линъи почувствовала ещё большую обиду.

Тан Линъи спросила:

— Он о тебе не заботится?

Девочка ответила:

— Меня привёл управляющий, сейчас за мной смотрит госпожа Ван, но она мало обращает на меня внимания, дала мне маленькую комнату, и до сих пор я не видела господина.

Она даже не смеет называть его отцом — вероятно, из-за подстрекательства других.

Пока она размышляла, её полу слегка дернули — девочка, словно боясь порвать платье, с глазами, полными слёз, попросила:

— Сестра, ты можешь... отвести меня к господину?

Она сняла с себя верхнюю одежду и протянула ей:

— Могу. Сначала скажи, как тебя зовут?

— Меня зовут Тан Линцзю.

...

Закончив рассказ, Чжэн Цзюньсинь очень вовремя захлопала в ладоши: «хлоп-хлоп-хлоп» — раздавалось быстро, видно было её волнение.

— А-Лин, ты правда умница, с детства умела совершать праведные поступки. Сколько тебе тогда было лет?

Ещё одно идиоматическое выражение, неплохо.

Любимые матери анютины глазки расцвели как раз в тот год, в тот год, когда их было больше всего, яркими красками покрыв весь двор.

— Тогда мне было десять лет.

— Как хорошо.

— В десять лет ты... — Тан Линъи хотела продолжить по линии разговора, но вспомнила, что Хунмэй рассказывала о прошлом Чжэн Цзюньсинь.

Ей вдруг стало жаль продолжать.

Чжэн Цзюньсинь продолжала говорить неумоимо, её голос был спокоен:

— В десять лет я, кажется, уже была в Павильоне Шичунь. Помню, в тот день матушка Чунь

меня ругала, и меня спасла сестра Юй-нян. Давно её не видела, не знаю, куда она делась, я так по ней скучаю...

Она немного отрешилась, и вдруг пара белых, длинных рук протянулась вперёд, взяв её за лицо и остановившись.

Её контроль над направлением становился всё точнее.

— Туаньтуань.

Внезапно поднялся ветер, взметнув их многослойную одежду, мягкие волосы и кисти развевались, звеня «динь-динь-дунь». За их спиной на воде поднялась рябь, листья с деревьев сыпались вниз.

Тан Линъи смотрела с серьёзностью в направлении напротив и медленно произнесла:

— Хочешь ли ты выздороветь, стать нормальным человеком?

— Так, возможно, твоё происхождение, твоя семья, твоя сестра Юй-нян — все ответы, которые ты хочешь узнать, станут ясны.

Листок упал между ними, коснулся ресниц Чжэн Цзюньсинь, и она моргнула.

— Если я выздоровею, А-Лин ещё будет меня хотеть?

Тан Линъи кивнула:

— Будет. Усадьба Юньюй всегда будет твоим домом, захочешь — вернёшься. Я только боюсь, что если ты выздоровеешь, то не вернёшься.

— Нет, Туаньтуань никогда не покинет А-Лин, я хочу быть с тобой всегда!

Человек перед ней шевельнулся, замолчал на мгновение. Затем руки, державшие лицо Туаньтуань, почувствовали обжигающую температуру — руки другой девушки накрыли её руки.

Она спросила:

— А-Лин, что ты хочешь сделать?

Тан Линъи почувствовала, что ладони стали горячими, до пота, и опустила руки. Она собралась с мыслями:

— Я связалась с отшельницей-врачом, она редко появляется в мире, раньше из-за моих глаз у нас были некоторые отношения. Ей нравится скрывать имя и путешествовать по разным местам, на этот раз я долго её искала. Через несколько дней Байлань приведёт её повидать тебя.

— Почему через несколько дней? — спросила Чжэн Цзюньсинь.